

В. МАРКС

**ВОСЕМНАДЦЕ
БРЮМЕРА
ЛУИ БОНАПАРТА**

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1950

Подписано к печати с матриц 21/1
1950 г. М-00169. Формат 82×110¹/₃₂.
Печ. листов 8. Уч.-изд. листов 6,6.
Тираж 100 тыс. Заказ № 514.
Цена 1 р. 50 к.

2-я типография „Печатный Двор“
им. А. М. Горького Главполиграф-
издата при Совете Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>редисловие К. Маркса ко второму изданию</i>	3
<i>редисловие Ф. Энгельса к третьему немецкому изданию . .</i>	6
<i>ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА</i>	
I	8
II	19
III	32
IV	49
V	61
VI	81
VII	102
<i>казатель важнейших имен</i>	119

Пролетарии всех стра

К. МАРКС

ВОСЕМНАДЦАТОЕ
БРЮМЕРА
ЛУИ БОНАПАРТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 0

ПРЕДИСЛОВИЕ К. МАРКСА
КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Мой преждевременно скончавшийся друг *Иосиф Вейдемейер*¹ собирался издавать в Нью-Йорке с 1 января 1852 г. политический еженедельник. Он попросил меня написать для этого журнала историю государственного переворота. В соответствии с этой просьбой я до середины февраля еженедельно писал для него статьи под общим заглавием: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Тем временем первоначальный план Вейдемейера потерпел крушение. Зато он весной 1852 г. начал издавать ежемесячный журнал «Die Revolution», первый выпуск которого и состоит из моего «Восемнадцатого брюмера». Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тогда в Германию, не поступив, однако, на настоящий книжный рынок. Один, корчивший из себя крайнего радикала, немецкий книгопродавец, которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, ответил с истинно нравственным ужасом по поводу такой «несвоевременной затеи».

Из сказанного видно, что предлагаемое сочинение написано под непосредственным впечатлением событий и что обработанный в нем исторический материал не идет

¹ Во время американской гражданской войны занимал пост военного начальника округа Сен-Луи. (*Примечание Маркса.*)

далее февраля 1852 года. Настоящее его переиздание вызвано отчасти спросом на книжном рынке, отчасти настояниями моих друзей в Германии.

Из сочинений, которые появились приблизительно в одно время с моим и посвящены тому же вопросу, заслуживают внимания только два: «Наполеон малый» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона.

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь насильственное деяние одного человека. Он не замечает, что возвеличивает этого человека, вместо того чтобы умалить его, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы. Прудон со своей стороны стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность посредственному и смешному персонажу сыграть роль героя.

Переработка лишила бы предлагаемое сочинение его своеобразной окраски. Я ограничился поэтому исправлением опечаток и устранением ставших уже непонятными намеков.

Заключительные слова моего сочинения: «Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны» — уже сбылись.

Полковник Шаррас открыл атаку на культ Наполеона в своем сочинении о походе 1815 года. С тех пор, особенно в течение последних лет, французская литература оружием исторического исследования, критики, сатиры и остроумия навсегда покончила с наполеоновской легендой. За пределами Франции этот резкий разрыв с традиционной народной верой, эта огромная духовная революция мало обратили на себя внимания и еще меньше были поняты.

В заключение выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — школьной фразы о так называемом *цезаризме*. При этой поверхностной исторической аналогии забывают главное, — что в древнем Риме классовая борьба протекала лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для борцов. Забывают меткое замечание *Сисмонди*: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, не могут иметь между собой больше общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил.

Карл Маркс

Лондон, 23 июня 1869 г.

Написано К. Марксом для второго издания его работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», вышедшего в Гамбурге в 1869 г.

Печатается по тексту книги: К. Маркс Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, изд. 1919 г., стр. 203—210

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА
К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Потребность в новом издании «Восемнадцатого брюмера», спустя тридцать три года после его первого появления, доказывает, что это сочинение до сих пор несколько не утратило своего значения.

И действительно, это было гениальное произведение. Непосредственно после события, которое поразило весь политический мир, точно гром из ясного неба, которое одни проклинали с громкими криками нравственного негодования, а другие принимали как спасительный выход из революции и как кару за ее заблуждения, события, которое, однако, во всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, эпиграмматическим произведением, в котором изложил в его внутренней связи весь ход французской истории со времени февральских дней и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой связи, причем для этого ему вовсе не понадобилось относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. Картина была нарисована Марксом с таким мастерством, что каждое сделанное впоследствии новое разоблачение доставляло только новые доказательства того, как верно была отражена в ней действительность. Такое превосходное понимание живой истории дня, такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно.

Но для этого требовалось такое глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. Франция — та страна, где историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца, где в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образец единой сословной монархии со времени ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам незнакома. Вот почему Маркс с особым предпочтением изучал не только прошлую историю Франции, но и следил во всех деталях за ее текущей историей, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставляли его врасплох.

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории второй французской республики. На этой истории он в данной работе проверил правильность открытого им закона, и даже спустя тридцать три года все еще приходится признать, что это испытание дало блестящие результаты.

Фридрих Энгельс

Написано Ф. Энгельсом для третьего издания работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт», вышедшего в Гамбурге в 1885 г.

Печатается по тексту книги: К. Маркс Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, изд. 1948 г., стр. 210—211

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА

I

Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848—1851 гг. вместо Горы 1793—1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождавших второе издание восемнадцатого брюмера!

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, чтобы переделывать себя и окружающее и создавать нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ни-

чего лучшего, как пародировать то 1789 г., то революционные традиции 1793—1795 годов. Так новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родного.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камиль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — как герои, так и партии и народные массы старой французской революции, — осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного *буржуазного* общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили произраставшие на его почве феодальные головы; другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы, поскольку это было необходимо, чтобы создать для буржуазного общества во Франции соответственное, отвечающее потребностям времени окружение на европейском континенте. Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бругы, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сэях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созиданием богатства и мирной борьбой конкуренции, оно забыло, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих преданиях Римской республики гладиаторы

буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества было совершено, Локк вытеснил пророка Аввакума.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы поднять значение данной задачи в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак.

В 1848—1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого республиканца в лайковых перчатках, переодетого в костюм старого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил поступательную силу своего исторического движения, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху; а чтобы устранить всякие сомнения на этот счет, вновь воскресают старые даты, старое летоисчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся, казалось, давно достоянием антикварной учености, и старые, казалось, давно истлевшие жандармы. Нация чувствует себя так же, как рехнувшийся англичанин в Бедламе¹, который мнит себя современником древних фараонов и ежедневно горько жалуется на тяжелый труд, выполняемый им в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, при слабо горящей лампе, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика рабов с длинным бичом в руках и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжни-

¹ — дом для умалишенных в Англии. *Ред.*

ков, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. «И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту, — вздыхает рехнувшийся англичанин, — чтобы добывать золото для древних фараонов». «Чтобы платить долги семейства Бонапарта», — вздыхает французская нация. Англичанин, пока он находился в здравом уме, не мог отделаться от навязчивой идеи добывания золота. Французы, пока они занимались революцией, не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне, как это доказали выборы 10 декабря 1848 года. От опасностей революции их тянуло назад к египетским горшкам с мясом, и ответом явилось 2 декабря 1851 года. Они получили не только карикатуру на старого Наполеона, — они получили самого старого Наполеона в карикатурном виде, получили его таким, каким он должен выглядеть в середине XIX века.

Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начаться прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались во всемирно-исторических воспоминаниях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы.

Февральская революция была *неожиданностью* для старого общества, она застигла его врасплох, и народ провозгласил этот смелый *удар* всемирно-историческим подвигом, предполагая, что он откроет новую эру. 2 декабря февральская революция исчезает в руках ловкого шулера, и в результате уничтоженной оказывается не сама монархия, а те либеральные уступки, которые были отвоеваны у нее вековой борьбой. Вместо того чтобы *общество* отвоевало себе новое содержание, *государство* только вернулось к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и рьсы. На февральский внезапный удар (*coup de main*) 1848 г. отвечает декабрьский опрометчивый поступок (*coup de tête*) 1851 года. Как нажито, так и прожито. Однако протекшее между этими событиями время не прошло даром. В течение 1848—1851 гг. французское общество навестало по

способу сокращенному, потому что он был революционным, уроки и опыт, которые при правильном, так сказать методическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, чтобы сделать ее чем-то более серьезным, чем простое сотрясение поверхности. Кажется, что общество очутилось теперь позади своей исходной точки; на самом же деле ему приходится еще только создавать предпосылки своей революции, создавать положение, отношения, условия, при которых современная революция только и может принять серьезный характер.

Буржуазные революции, как, например, революция XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, затем, чтобы еще раз начать это сызнова, с жестокой основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли всосал свежие силы и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенною громадною своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Здесь Родос, здесь прыгай! ¹

Здесь роза, здесь танцуй!

Впрочем, всякий мало-мальски наблюдательный человек, даже и не следивший шаг за шагом за ходом развития событий во Франции, должен был предчувство-

¹ Эта фраза взята из басни Эзопа, рассказывающей о хвастуне, который утверждал, ссылаясь на свидетелей, что однажды в Родосе он совершил замечательный прыжок; а ему на это ответили: «Зачем свидетели, если это верно; здесь Родос, здесь прыгай!» Другими словами: покажи делом, на что ты способен. *Ред.*

вать, что этой революции предстоит неслыханный позор. Достаточно было послушать самодовольный победный лай, которым господа демократы поздравляли друг друга с благодатными последствиями, ожидаемыми от второго воскресенья мая 1852 года¹. Второе воскресенье мая 1852 г. стало в их головах навязчивой идеей, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства у хилиастов. Слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса, считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении посредством заклинаний, и утрачивала всякое чувство реальности из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но о которых пока считает преждевременным сообщать. Эти герои, старающиеся опровергнуть мнение о своей доказанной фактами бездарности тем, что они взаимно выражают друг другу свое сочувствие и сплываются в особую группу, уже собрали свои пожитки и, захватив авансом свои лавровые венки, как раз собирались учествовать на бирже свои призрачные республики, правительственный персонал для которых втихомолку, со свойственной им невзыскательностью, был уже ими предусмотрительно организован. 2 декабря поразило их, как удар грома из ясного неба. И народы, которые в эпохи малодушия охотно прислушиваются к самым громким крикунам, чтобы заглушить свой внутренний испуг, на этот раз, быть может, убедились в том, что прошли те времена, когда гоготание гусей могло спасти Капитолий.

Конституция, Национальное собрание, династические партии, синие и красные республиканцы, африканские герои, гром трибуны, зарницы прессы, вся литература, политические имена и ученые репутации, гражданский закон и уголовное право, свобода, равенство, братство и второе воскресенье мая 1852 г. — все исчезло, как мираж, перед магической формулой человека, которого даже его враги не выдают за чародея. Всеобщее избирательное право, казалось, продержалось еще одно мгновение только для того, чтобы перед глазами всего

¹ В этот день истекали полномочия президента республики, причем, согласно конституции, тот же кандидат не мог вторично быть избран на этот пост. *Ред.*

мира составить собственноручно свое завещание и заявить от имени самого народа: «Все, что возникает, достойно гибели»¹.

Недостаточно сказать, по примеру французов, что их нация была застигнута врасплох. Нации и женщине не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие и овладеть ею. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют. Надо еще объяснить, каким образом три проходимца могут застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 36-миллионную нацию.

Резюмируем в общих чертах фазисы, через которые прошла французская революция от 24 февраля 1848 до декабря 1851 года.

Вот три несомненных главных периода: *февральский период*; от 4 мая 1848 до 28 мая 1849 г.: *период учреждения республики*, или *Учредительного национального собрания*; от 28 мая 1849 до 2 декабря 1851 г.: *период конституционной республики*, или *Законодательного национального собрания*.

Первый период, от 24 февраля, т. е. от падения Луи-Филиппа до 4 мая 1848 г., т. е. до открытия заседания Учредительного собрания, — *февральский период* в собственном смысле слова, — можно назвать *прологом* революции. Характер этого периода выразился официально в том, что созданное им экспромтом правительство объявило само себя *временным*. Подобно правительству, все, что было начато, испробовано и высказано в этот период, выдавало себя лишь за нечто *временное*. Никто и ничто не дерзало признать за собой право на существование и на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собой революцию: династическая оппозиция, республиканская буржуазия, демократическо-республиканская мелкая буржуазия, социалистическо-демократические рабочие — все эти элементы временно заняли место в *февральском правительстве*.

Иначе и быть не могло. Февральские дни первоначально имели целью добиться избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных внутри самих имущих классов и свергла бы

¹ Слова Мефистофеля в «Фаусте» Гете. Ред.